

Чжан Сьюй

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Zhang Siyu

PhD Student of the Department
of Speecheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
siyuzhang53@gmail.com

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

TOLERANCE AS A DOMINANT OF DIPLOMATIC DISCOURSE

В статье осуществлен научный анализ лингвистического знания о толерантности как концепте, коммуникативной категории и коммуникативной макростратегии в контексте дипломатического дискурса. Выявлены специфические характеристики макростратегии толерантности, определены и обоснованы образующие ее коммуникативные стратегии и тактики. По результатам контрастивного анализа установлен идентичный характер реализации макростратегии толерантности в дипломатической переписке Российской Федерации и Китая (на примере жанра вербальной ноты).

Ключевые слова: дипломатический дискурс; толерантность; концепт; коммуникативная категория; коммуникативная макростратегия; коммуникативные стратегии и тактики; вербальные ноты Российской Федерации и Китая.

The article provides a scientific analysis of linguistic knowledge about tolerance as a concept, communicative category and communicative macrostrategy in the context of diplomatic discourse. The specific characteristics of the macrostrategy of tolerance have been identified, the communicative strategies and tactics included in it have been identified and justified. Based on the results of a contrastive analysis, the identical nature of the implementation of the macrostrategy of tolerance in the diplomatic correspondence of the Russian Federation and China was established (using the example of the note verbale genre).

Key words: diplomatic discourse; tolerance; concept; communicative category; communicative macrostrategy; communicative strategies and tactics; notes verbales of the Russian Federation and China.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом современной лингвистики к проблемам коммуникативного взаимодействия, изучению языка в тесной связи с практической деятельностью человека. Внешнюю политику в современном мире характеризуют амбивалентные тенденции: с одной стороны, создаются условия для успешной международной интеграции, с другой стороны, в последние годы на

мировой арене имеют место процессы антиглобализма и поляризации. Важную роль в данной связи приобретает дипломатия, которая призвана обеспечивать международное взаимодействие с позиций мира, взаимопонимания и сотрудничества. Этим объясняется внимание ученых-лингвистов к проблеме дипломатической коммуникации как важнейшей области, определяющей ключевые стороны международных отношений. Особый интерес в данном контексте представляет имманентно присущая данному дискурсу категория *толерантности*, которая может рассматриваться не только как доминантная сущностная характеристика, но и как коммуникативная макростратегия дипломатической коммуникации.

Концептуальным и категориальным аспектам толерантности посвящены исследования Т. В. Романовой, Же Ли, И. А. Стернина, К. М. Шилихиной и др. Вопросы ее реализации в дипломатическом дискурсе представлены в работах М. В. Белякова, А. С. Кожетевой, Л. Н. Синельниковой, Т. А. Шаповаловой, Ху Кайбао, Ду Сянтао, Чжоу Лиин, Сюн Юнхун, Ли Чан и др.

Толерантность представляет собой сложноорганизованный неоднозначный для русского языкового сознания лингвистический феномен. Это связано с тем, что, будучи заимствованной, лексема *толерантность* заполнила в русском языке мотивированную лауну, однако, по свидетельству И. А. Стернина, К. М. Шилихиной, не стала установкой национального сознания, а концепт «толерантность» не был заложен в русском сознании как ментальная единица [1].

В русском языковом сознании концепт «толерантность» начал очерчивать свою структуру только с конца XX в. В общем виде в толковых словарях толерантность определяется как *терпимость к чужому мнению*. Данный концепт был включен в русскую языковую картину мира через соотношение с опорной лексемой *терпимость*, которая определяется в словаре В. И. Даля как «способность что-либо терпеть только по милосердию или снисхождению» [2]. Такое понимание данного термина обусловлено его первоначальной принадлежностью к христианской традиции, отражающей пассивную жертвенную позицию субъекта, который демонстрирует смирение, покорность, безграничное принятие. С течением времени христианская терпимость стала основой гражданской толерантности, которая связана со светской и политической жизнью общества. Она предполагает усиление рациональной компоненты и нивелирование эмоциональной.

Теоретический анализ показывает, что до настоящего времени лингвистическая наука не выработала единого определения толерантности. С позиций когнитивной лингвистики под толерантностью понимается

«положительное нравственное качество человека, заключающееся в ценностной ментальной установке на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека» [1, с. 16]. В качестве базового когнитивного слоя концепта «толерантность» И. А. Стернин определяет «чувственный образ спокойного, вежливого, невозмутимого человека», который «фиксирует в своем сознании собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но он не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме» [1, с. 17]. Такой образ кодирует данный концепт для мыслительных операций.

В китайском языке толерантность также понимается через категорию терпимости (к чужому, к другому). В качестве коннотативных значений толерантности в китайских словарях указаны: снисходительное отношение, умение прощать; великодушное принятие; переносимость; мягкость, великодушие, доброта, учтивость.

Же Ли и Чжоу Лиин подчеркивают, что в китайском языке важной чертой толерантности является сочувствие и сострадание как требование к себе вне зависимости от того, как поступают другие. Главное – наблюдать за собой и «быть компромиссным к конфликтным ситуациям и уметь решать их», что подтверждается китайским афоризмом: «Злу никогда не наступит конец, если мы будем использовать его, чтобы наказать чужое зло» [3; 4]. Фундаментальной основой такого миропонимания выступает конфуцианство, согласно которому только свободный выбор человека определяет суть гуманных отношений в обществе.

Исследователи М. В. Беляков [5], И. А. Стернин, К. М. Шелихина [1], Т. А. Шаповалова [6] рассматривают толерантность как *коммуникативную категорию*. Указанный лингвистический статус обусловлен соответствием таким заданным критериям, как наличие коммуникативного содержания, включающего прескрипционную и информационно-содержательную составляющие; языковые и речевые способы его реализации; возможность выделения дихотомической категории; способность градуального выражения [6].

Содержание толерантности как коммуникативной категории представлено совокупностью сущностных характеристик ряда прескрипций: предписывающих (необходимость проявлять уважение и такт по отношению к личности и убеждениям оппонента); запретительных (недопустимость навязывания собственной позиции, подавления личности собеседника, проявления любой дискриминации); интерпретирующих (предоставление возможности коммуникантам адекватно воспринимать процесс коммуникации, понимать смыслы).

Толерантность реализуется при помощи различных речевых и языковых приемов гармонизации общения, среди которых следует выделить снижение категоричности высказывания, размытость, расширение его семантики, смещение акцента, возражение под видом согласия, косвенную критику, речевые поддержки и др. Репрезентация толерантности в дипломатическом дискурсе обусловлена его спецификой, которая раскрывается через описание участников, целей, ценностей, стратегий и тактик речевого поведения.

Дипломатическая толерантность приобретает особую специфику, обусловленную прагматическими целями внешней политики и связанную с отражением ее противоречивого характера в отношении содержания (философии, ценностей) и формы реализации с помощью языковых средств в сфере дипломатической коммуникации. Т. А. Шаповалова указывает на «неоднозначный характер и парадоксальность данной категории», в связи с чем предлагает рассматривать два аспекта понимания толерантности – социальную и коммуникативную [6].

Проблема толерантности в китайском дипломатическом дискурсе исследуется в работах Чжоу Лиин, Сюн Юнхун, Ху Кайбао, Ли Чан, Чэнь Чаоцин и др. Ученые единодушно признают в идее толерантной дипломатии противоречие сущего и должного. В частности, Чжоу Лиин отмечает, что сам призыв к толерантности в дипломатической коммуникации свидетельствует о фактической нетерпимости в социуме. Дилемма толерантности в политике заключается в амбивалентности теоретических моральных установок и реального содержания прагматической коммуникации [4]. Сюн Юнхун считает, что только единство идей и реальности, стратегий и принципов может быть истинной основой реализации толерантности в межкультурном взаимодействии [7].

Как отмечают Нью Мэнди [8], Ху Кайбао, Ли Чан [9], спецификой китайской дипломатической коммуникации как «мягкой силы» является ведущий национальный идеологический компонент, подкрепленный идейно-философскими воззрениями, ориентированность на интеграцию в мировом пространстве китайских прагматических ценностей.

В китайской прагмалингвистике уделяется значительное внимание стратегиям и тактикам толерантности в дипломатическом дискурсе как инструментам «мягкой силы», обеспечивающим, по словам Нью Мэнди, «прочную основу для мирного подъема страны, формирования имиджа ответственной державы на международной арене» [8].

В рамках настоящего исследования толерантность рассматривается как *коммуникативная макростратегия* дипломатической коммуникации,

способствующая достижению внешнеполитических целей коммуникантов при сохранении принципов гармоничного общения. Под коммуникативной стратегией в лингвистике понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [10, с. 54]. Глобальность исследуемой стратегии обусловлена ее доминантным системообразующим характером, предполагающим взаимодействие стратегий-составляющих как единого целого. Способами осуществления стратегии выступают коммуникативные тактики как приемы эффективного воздействия.

Макростратегия толерантности в дипломатическом дискурсе отличается наличием ряда специфических характеристик: *некатегоричность, вежливость, корректность, уклончивость, смысловая размытость*. Все они характеризуют толерантность через воплощение идей социального равенства и справедливости.

Вежливость предполагает принятие равноправных позиций агентов дипломатической коммуникации, их взаимное уважение, использование ритуализированных речевых формул. Речевые действия вежливости в дипломатическом общении обеспечивают поддержание приемлемого этикетного тона общения, помогают гармонизировать эмоциональный фон, избежать острого конфликта между оппозиционными сторонами.

Некатегоричность направлена на бесконфликтное «сбалансированное» дипломатическое общение, поддержание его неконфликтной тональности с применением стратегии коммуникативного смягчения. Установка дипломатов на минимизацию коммуникативных рисков обеспечивает снижение агрессивности оценочного высказывания и позволяет использовать неоднозначные или умеренные формулировки, оставляя адресату пространство для интерпретации.

Корректность в дипломатической коммуникации предполагает строгое следование нормам официально-делового стиля, требующим взвешенности, обдуманности и сдержанности в формулировках, недопустимости необоснованных категоричных суждений и субъективных пристрастных оценок оппонента. Корректный диалог подразумевает использование языковых средств, которые способствуют «сохранению лица» дипломатов как представителей государства.

Категории уклончивости и смысловой размытости носят в дипломатическом дискурсе несколько манипулятивный характер. Уклончивость представляет собой имплицитное уклонение от прямого ответа и содержит скрытый, стратегический смысл. Она реализуется как отра-

жение агентами собственной уязвимой позиции в определенных обстоятельствах, переживания ими статусной неуверенности при наличии субординативных отношений. Смысловая размытость предполагает создание в дипломатических речевых актах преднамеренной неопределенности с целью завуалировать реальное положение дел. М. В. Беляков называет такую коммуникацию двусмысленным языком «полулжи-полуправды» [5], который используется для избежания конфликта, возможных обвинений во лжи и необоснованности высказываний, для спасения репутации.

Вышеизложенное позволяет понимать дипломатическую толерантность как ведущую макростратегию дипломатического дискурса, направленную на взаимное эксплицитное признание точек зрения оппонентов, сохранение представительского статуса, готовность к выработке консенсуса и характеризующуюся некатегоричностью, вежливостью, корректностью, уклончивостью, смысловой размытостью.

Теоретический анализ показывает, что макростратегия дипломатической толерантности в соответствующем дискурсе не обладает единой системой средств выражения. В лингвистических источниках представлены различные классификации коммуникативных стратегий и тактик, используемых в политической и внешнеполитической коммуникации. В частности, Т. А. Шаповалова указывает, что толерантность реализуется стратегиями благожелательности; непредвзятости; недосказанности [6]. М. В. Беляков считает ключевыми следующие стратегии: создания двусмысленности; создания намеренной неопределенности; эвфемизации; смены коммуникативного фокуса [5]. В связи с тем, что дипломатический дискурс характеризуется клишированностью и ритуальностью дипломатического языка, стратегии и тактики реализации толерантности также носят достаточно жесткий стереотипный характер.

Предметом нашего исследования стала реализация коммуникативной макростратегии толерантности в дипломатической переписке Российской Федерации и Китая на примере жанра вербальной ноты. Материалом для исследования послужили тексты вербальных нот, размещенные в цифровом формате в библиотеке ООН (<https://digitallibrary.un.org>).

Анализ фактического материала переписки позволил констатировать, что коммуникативная макростратегия дипломатической толерантности реализуется совокупностью следующих стратегий: 1) *благожелательности*; 2) *информирования и интерпретации*; 3) *оценочного смягчения*; 4) *аргументации*. Охарактеризуем их и приведем примеры некоторых тактик, реализующих данные стратегии.

Стратегия благожелательности основана на принципах речевого этикета в дипломатической переписке и направлена на установление, поддержание и сохранение коммуникативного контакта с использованием ритуализированных клише, которые являются единственными в дипломатическом языке Российской Федерации и Китая.

- Тактика комплимента

*Министерство иностранных дел Российской Федерации **свидетельствует свое уважение** Посольству Китайской Народной Республики и **имеет честь сообщить** ему.*

*我很荣幸地请求将这封信分发为大会第五十七届会议关于专案50的文件初步议程 (**Имею честь** просить о распространении настоящего письма в качестве документа пятьдесят седьмой сессии Генеральной Ассамблеи по пункту 50 предварительной повестки дня).*

- Тактика смягчения сообщения о намерениях коммуниканта

*Я **хотел бы довести до Вашего сведения** вербальную ноту Постоянного представительства Российской Федерации.*

*中国对安理会委员会主席的通报表示感谢 (**Китай хотел бы выразить признательность** Председателю Комитета Совета Безопасности за проведенный им брифинг).*

- Тактика благодарности

***Буду признателен Вам за содействие** в распространении настоящего письма.*

*请将本照会及其附件作为安全理事会文件分发为荷 (**Буду весьма признателен** за распространение настоящей ноты и приложения к ней в качестве документа Совета Безопасности).*

- Тактика отождествления

***Россия твердо следует** своим международным обязательствам...*

*中国关注阿富汗难民困境 (**Китай** обеспокоен бедственным положением афганских беженцев).*

Стратегия информирования и интерпретации реализует речевое воздействие на оппонента посредством специально отобранного и выстроенного нарратива, интерпретированного в соответствии с коммуникативными целями.

- Тактика акцентирования положительной информации

*В целом Суд не нашел недостатков в удовлетворении Россией 98 процентов украинских просьб об оказании правовой помощи в контексте предполагаемого финансирования терроризма, **что свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне сотрудничества со стороны России.***

近年来, 新疆经济持续发展, 社会和谐稳定 (В последние годы в Синьцзяне отмечаются **устойчивое экономическое развитие, социальная гармония и стабильность ...**).

- Тактика мягкого предупреждения

Если грузинское руководство не сможет создать зону безопасности в районе грузино-российской границы..., **мы оставляем за собой право действовать** в соответствии со статьей 51 Устава ООН, закрепляющей за каждым государством членом ООН неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

任何人、任何势力都不应低估中国人民保卫国家和领土完整的决心、坚定和能力 (Никаким лицам и никаким силам не следует недооценивать решительный настрой, твердую волю и мощную способность китайского народа защищать наш национальный суверенитет и территориальную целостность).

- Тактика комментирования

Россия не участвовала в упомянутом саммите, и **мы не стали бы комментировать украинские измышления**, если бы они не были привнесены Киевом на площадку Организации Объединенных Наций.

单方面强制性措施的负面影响问题对我们各国人民的生存具有重要意义。世界上三分之一的人口遭受这些非法措施的侵害 (Вопрос о негативном воздействии односторонних принудительных мер имеет экзистенциальное значение для наших народов. **Треть населения Земли страдает от этих незаконных мер**).

- Тактика смещения прагматического фокуса

Вашингтон ставит под сомнение не только сами **выборы** Президента Российской Федерации, но и **положения Конституции** Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

所有中华儿女的共同愿望是祖国重新统一 (Общее желание всех китайских детей – добиться того, чтобы их родина вновь стала единым целым (о детях Тайваня).

Стратегия оценочного смягчения реализует некатегоричность высказываний в исследованной дипломатической переписке обеих стран, уменьшает прямолинейность оценок и сохраняет баланс интересов сторон.

- Тактика неопределенной референции

Нам известно абсолютно точно и подтверждается **иностранными источниками информации**, что на территории Грузии окопались и те, кто причастен к подготовке терактов в США год назад.

许多专家提出了其他合适的处置计划 (**Многими экспертами предлагались другие подходящие планы** утилизации).

- Тактика литотного смягчения

Соединенное Королевство **не предоставило никаких убедительных доказательств**, кроме **ничем не подкрепленных ссылок** на свое непрозрачное национальное расследование.

世界上没有人比中国政府和人民更关心 2,300 万台湾同胞的前途和利益 (Вряд ли кто-нибудь в мире заботится о будущем и об интересах 23 миллионов китайских соотечественников на Тайване больше, чем правительство и народ Китая).

- Тактика эвфемистических замен

Вопрос о Панкисском ущелье **вызывает серьезную озабоченность**.

中方真诚希望阿富汗建立开放包容的政治体系 (Китай **искренне надеется**, что Афганистан сможет создать открытую и инклюзивную политическую систему) (оценочное смягчение лексемы *требовать*).

Стратегия аргументации представляет собой комплекс речевых убеждающих воздействий, основанных на веских достоверных доводах и исключающих пристрастные субъективные оценки.

- Тактика указания на прецедент

Организовано и осуществлено более чем 12 млн кибератак на официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе DoS-атак.

故意将受放射性核种污染的水排入海洋尚无先例 (Прецедентов намеренного сброса загрязненной радионуклидами воды в океан не существует).

- Тактика указания на перспективу

Ничего этого не потребуются, никакие меры и спецоперации не будут нужны, если грузинское руководство будет действительно контролировать свою собственную территорию, выполнять международные обязательства в сфере борьбы с международным терроризмом и не допустит возможных нападений международных террористов со своей территории на территорию Российской Федерации.

将放射性核种污染的水排放到海洋中所造成的环境后果很难预测, 并且具有很大的不确定性 (Экологические последствия от сброса загрязненной радионуклидами воды в океан **труднопредсказуемы и характеризуются значительной неопределенностью**).

- Тактика контрастирования

Отклонив около **сорока обвинений**, выдвинутых **Украиной**, Суд нашел только **два недочета** в действиях **России**.

2022年10月，人权理事会断然拒绝了少数国家提交的涉疆决定草案，并拒绝认可联合国人权事务高级专员办事处对新疆局势进行的所谓「评估」(В октябре 2022 года Совет по правам человека категорически отклонил проект решения по Синьцзяну, представленный небольшой группой стран, и отказался одобрить так называемую «оценку» положения дел в Синьцзяне, проведенную Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека под давлением небольшой группы стран).

Таким образом, обоснование толерантности как доминанты дипломатического дискурса базируется на концептуальных и категориальных представлениях о данном феномене. Толерантность как коммуникативная макростратегия дипломатического дискурса характеризуется некатегоричностью, вежливостью, корректностью, уклонением и смысловой размытостью; обеспечивает прескрипции бесконфликтного общения и способствует минимизации коммуникативных рисков во внешнеполитической интеракции, предотвращению и урегулированию потенциальных конфликтов. Коммуникативная макростратегия толерантности носит системообразующий характер и включает в себя стратегии благожелательности, информирования и интерпретации, оценочного смягчения и аргументации, реализуемые соответствующими тактиками. Результаты анализа фактического материала позволяют констатировать идентичное использование коммуникативных стратегий и тактик толерантности в дипломатической переписке Российской Федерации и Китая, что обусловлено едиными институциональными лингвистическими нормами, предъявляемыми к дискурсу такого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж, 2000. – 110 с.
2. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980. – 4 т.
3. *Же, Ли.* Семантика концепта «Толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке / Ли Же // Лингвокультурология. – 2007. – № 4. – С. 104–114.
4. *Чжоу, Лиин.* Некоторые философские размышления о «толерантной дипломатии» / Лиин Чжоу // Журнал Чунцинского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). – 2008. – № 3. – С. 109–113.

5. *Беляков, М. В.* Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 5.9.8 / М. В. Беляков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД Рос. Федерации. – М., 2023. – 48 с.
6. *Шаповалова, Т. А.* Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. А. Шаповалова ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2013. – 22 с.
7. *Сюн, Юнхун.* Анализ прагматической стратегии дипломатического языка / ЮнХун Сюн, Сяомэй Пэн // Журнал Хунаньского сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам). – 2009. – № 10. – С. 71–74.
8. *Ню, Мэнди.* Проявление толерантности в публичной дипломатии и международных коммуникациях КНР : экспертный опрос / Мэнди Ню // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 156–160.
9. *Ху, Кайбао.* Исследование перевода и распространения дипломатического дискурса крупных стран с китайской спецификой : коннотация, метод и значение / Кайбао Ху, Чан Ли. – Пекин, 2018. – 285 с.
10. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.

Поступила в редакцию 16.04.2024